

Дата и № 40 19/2/1900

«Съве

Въ Москвѣ.

Вчера Москва, — чуткая и отзывчивая къ прекрасному Москва, — отдала послѣдній скорбный долгъ свѣтлой памяти чудной артистки.

Въ хмурый день привезли ея тѣло, и московское солнце не улыбнулось ей прощальнымъ привѣтомъ. И на душѣ было хмуро, и не нужными казались сѣрыя и скучныя слова, которыя то тутъ, то тамъ раздавались въ толпѣ ожидающихъ.

Каланчевская площадь залита народомъ. Только широкой полосой бѣлѣетъ среди черной толпы оставленный свободнымъ проѣздъ отъ воротъ Рязанскаго вокзала къ Николаевскому. Усиленные наряды полиціи. Гардуютъ конные городовые.

Это скорѣе создаетъ впечатлѣніе какого то парада, ожиданія пріѣзда знатной особы, чѣмъ прибытія тѣла служительницы искусства. И это кажется ненужнымъ.

На платформѣ — только избранные: близкіе покойной, депутаціи, представители театровъ, редакцій и учреждений.

Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядываются въ темнѣющую даль, откуда долженъ прійти печальный поѣздъ. На лицо вся литературная и театральная Москва, объединенная общей великой скорбью о любимой артисткѣ.

Жестокая смерть, на далекой окраинѣ наложившая свою холодную руку на Коммиссаржевскую, лишила москвичей послѣдняго утѣшенія: еще разъ, въ послѣдній разъ, взглянуть на дорогое лицо, чтобы ярче, неизгладимѣе вѣзались въ память ея черты. Тѣло привезли въ свицовомъ наглухо запаенномъ гробу, и тамъ, подъ его тяжелой неподвижной крышей, навсегда скрыта брѣнная оболочка той, у которой была такая яркая, горѣвшая чуднымъ пламенемъ, душа. И отъ этой невозможности еще разъ, одинъ только разъ, видѣть ее, — еще больнѣе сжималось сердце и тоскливѣе дѣлалось на душѣ.

Поѣздъ опаздываетъ. Томительно тянутся минуты, но толпа, наводнившая площадь, ждетъ терпѣливо, и много трогательнаго въ этомъ ожиданіи многотысячной толпы. Чего ждать? Только возможности взглянуть на гробъ, который пронесутъ черезъ площадь, и прощальнымъ взоромъ проводить его навсегда...

Какая пестрая толпа! Молодежь и старики, фуражки и мѣховыя шапки, потертыя пальтишки и дорогія шубы, — и всѣхъ ихъ объединило одно великое чувство скорби по той, жизнь которой сторѣла на служеніи имъ.

Пришелъ поѣздъ. Отслужили литію и перенесли гробъ на Николаевскій вокзалъ. Длинной вереницей потянулись депутаціи съ вѣнками. Всѣ стѣнки вагона увѣшаны вѣнками. Вездѣ цвѣты, цвѣты... Ихъ такъ любила покойная Вѣра Федоровна.

Но не въ вѣнкахъ, не въ депутаціяхъ, растаившихся вдоль безконечно длинной платформы, вылилось все искреннее горе Москвы. Оно было тамъ, на площади, за оградой вокзала, въ огромной молчаливой толпѣ, у которой не было входныхъ билетовъ. Тамъ была Москва... И оттуда долетѣло до гроба послѣднее искреннее: «прощай!»